

Моё общение с Новеллой Николаевной Матвеевой было, может быть, не слишком продолжительно по времени, но насыщенно и плодотворно.

В 2008 году, впервые навестив её в квартире в Камергерском переулке, я предложил ей дать подборку новых стихотворений в “Наш современник”, где она прежде никогда не печаталась. Новелла Николаевна с радостью согласилась, сказала, что её теперешние стихотворения как раз могут нам подойти. Зная её творчество прежних лет, я, честно говоря, не рассчитывал на какое-либо настоящее открытие. Тем не менее, оно состоялось.

Как сейчас помню – большие листы, на которых цветным фломастером, аккуратным почерком – почти печатными буквами – были выведены стихотворные строки под общим названием “Андреевский флаг”. И первое стихотворение – “Слово о “Варяге”.

Весь мир – поражён, потрясён, – замирал
Пред новым **невиданным** боем;
Британец, германец, японец признал
Наш крейсер героем!

А “русскоязычный” – лишь губы кривит, –
Кристалльную боль – замутить норовит.

.....
Не лейте ж галлонами яд и елей
На русские беды.
У нас пораженья – и те веселей,
Чем ваши победы.

Такой Новеллы Матвеевой мы ещё не читали. Такую Новеллу Матвееву мы ещё не знали.

Это был ответ всем “правдолюбцам”, наострившимся строкой, выдернутой из документа, фактиком, вытасканным из контекста, текстом, перекрученным и перевернутым, – словно плетью, хлестать Отечественную Историю.

Только ли об истории шла речь в её последних стихах? Не только. И о жугчей современности тоже.

Э, нет; не *Россию*, а *русских*
враги ненавидят.
С таким уточнением пожалуй что
правильней выйдет.
Мол, – “как это можно (и как это мы
продремали?),
Чтоб *русские*... *Русскую* землю собой
занимали?!”

Очень нетолерантные стихи. Но если сейчас можно говорить о гражданской лирике (когда гражданственность не подменяет собой лирику!) – она у меня связана с последними стихами Новеллы Матвеевой.

Клеймя “тирана” с трубой и усами, —
Вы первые тиранствуете сами;
На пробующих робко спорить с вами —
Бросаетесь клокочущими псами.
Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
Вам встречную! Настроенную грозно!
Уймитесь же, эй, вы! — пока не поздно.

Полностью изменилось содержание её стихов. Но неизменной осталась песенно-разговорная интонация, одобряющая, стыдящая, увещевающая — но остающаяся человеческой и высокопоэтической. Здесь волей-неволей приходит на ум одно сопоставление. Полностью изменилось содержание стихов и у известной поэтессы Юнны Мориц. Она стала — также — выступать с государственно-гражданских позиций. С саркастическими инвективами в адрес “новых русских”. Иные её стихи, кажется, можно листовками расклеивать. Но дело ведь не только в содержании.

“Горе подружке — мигом угроблю... Вышвырнет вьюга Подлого друга, Мерзкую шавку, Пакость, дешёвку!.. Скажет ей хмуро: — Вот тебе, дура...” Это стихи Юнны Мориц почти сорокалетней давности. А вот сравнительно недавние: “Гром гремит. Земля трясётся. ГовНАТО в Сербию несётся. Лётчик сбит ночным горшком. Что он чешет гребешком?” “Нет генофонда, нет страны. Самоубиться мы должны?!? Идут большие бизнесА — Вот генофонда небеса?!?” В истеричной антиэстетике поэтесса себе не изменила.

Насколько же сдержаннее и точнее, поэтичнее в полном смысле слова стихи Новеллы Матвеевой, исполненные самых жёстких посылов в адрес власть имущих, “чёрных лесорубов”, ревнителей нынешней Конституции (“Документ игривый этот Писан — кровью. Чьей? Кровью — за последний пост Советов Павших — москвичей”), а также “коллег” по перу, которым Матвеева не прощает элементарного эпигонства, даром, что эпигон может быть увенчан Нобелевской премией — в том числе.

*Не подражали мы вашему, критик, Бурдскому;
В резкости **окриков** этого шалуна
Резкость его **самобытности** — нам не слышна.*

*.....
Как подражать мне свистку моего самовара?
Звону углей у меня же крадогого жара?
Собственной нити — в чужой узкоухой игле?
Как мне копировать статуя*

*лже-Боливара,
Коли он сам состоит — целиком —
из чужого товара?
(Из моего — в том числе?)*

... Прошлым летом мы несколько раз созванивались с Новеллой Николаевной и, наконец, договорились о встрече. Я собирался в назначенный день приехать к ней на дачу в Сходню — взять приготовленную для очередного номера новую подборку. За день до назначенного свидания пришло известие о кончине Новеллы Матвеевой. . .

Мы публикуем несколько стихотворений из домашнего архива поэтессы, предназначенных ею для “Нашего современника”.

ПОЛЫМЯ

Поджигателям

Зачем на “погоду” пенять,
Петарду держа под полою?
Нечистому духу сравнять
Не терпится дебри с золою!
Кого там прозвали “Дерсу”?
Напрасны такие затеи.
Дерсу обретался в лесу,
Который сожгли вы, злодеи!
Герой несравненных страниц,
Дерсу разговаривал с лесом,
С народом деревьев и птиц,
Чья прелесть — не к вашим бельмесам!
Вы к ним — с нескончаемым стрессом!
Вы им — палачи без границ!
Вас, кажется, модно щадить?
Проказы прощать “шалунишкам”?
Вот кто-то сюсюкнул: “Сюдить!”
Ан поздно, по-моему, слишком
Пустой огород городить.
Кого там радиный редактор
Оправдывает бесперечь?
Какой “человеческий фактор”,
Коль скоро о нелюдях речь?
Кой леший зовут демагоги
“Природными” ваши поджоги?

Природа (проснитесь хотя б!)
Гореть без конца не могла б!!!
Но публика верит в подлоги;
В хорьков, благодюшных, как боги,
В шарм нечисти. В грузди без шляп.
Так, выбившись в добрые люди,
Под родственный радиохрап
Вы, вкупе с лукавцами студий
Для нас изготовили кляп.
По шею в хозяйской защите,
Ан по уши обагрены,
Вы нам огласить не дадите
Сожжение нашей страны,
Дотла дожигаемой вами!
И машет огонь рукавами
По-клоунски страшной длины.

Июль—август 2016

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛЕТА

Как на заре петушиной
Медленный ветер ленив!
Тополь, шумящий вершиной,
По́низу тих, молчалив...
Впрочем, затишья редки,
Север на выходки скор.
Шаркнет — и нижние ветки
Тоже вмешаются в спор!

Как на заре петушиной
Ветер поспорил с крушиной.
Тени стирают с вещей
Мягкую бронзу лучей...
Будет нам дождь или вёдро?
Слышатся в этом, поди,
Тоже — какие-то ...вёдра!
Значит — все те же дожди!

Март-апрель 2016

ДОЖДЬ

Дождь закрыл одуванчики —
Солнце откроем.
— А по мне — вообще
Закрывать их не сто́ит;
Летом без них темно, —
Сказало, смеясь, оно.

Июль 2016